

Орлов Александр Анфимович

Моя жизнь, или Исповедь

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Анфимович О.**
Моя жизнь, или Исповедь: Часть 2 / Орлов Александр Анфимович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2023. – 122 с.

ISBN 978-5-521-26423-0

ISBN 978-5-521-26423-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ваенъ, я имѣю всякое право не много и опустить оный разказа; а описать характеръ роднаго его брата, слѣдственно также моего дядюшки, Алексея Петровича Комолова, дьячествующаго во единомъ изъ приходоу Залескаго Переяславля; хотя и оный уже покойникъ; но я, всё таки, попысусь изобразить характеръ его, дабы показати, что братья не всегда одинаковы въ чувствахъ, мысляхъ и поступкахъ. Алексѣй Петровичъ былъ, сказать правду, человекъ оригинальной, а, вотъ почему: плохо умѣя читать, слылъ первымъ грамолѣемъ во всей округѣ. Да оно и рѣшить не мудрено нужно только взглянуть на журналистовъ всякой Божій день выкидываютъ для публлки по печатному листу; и, слывутъ пручеными мужами, хотя эти часовые журналисты, п: е: возраше въ одинъ часъ,

существующъ поже одинъ часъ н: е: когда въ рукахъ у чинашеля. Я теперь не Алексѣю Петровичу истинное уваженіе имѣю; ибо онъ, хотя и въ другомъ отношеніи, насмѣящей былъ журналистъ. Алексѣй Петровичъ, мой дядюшка, вопль, какъ при службѣ поступалъ; развернеть книгу; и, когда надлежитъ читать канонъ; или часы и тому подобное, Алексѣй Петровичъ, вѣдал, что предстоятъ одни простодушные крестьяне, читалъ, что ему приходило въ головы, на пр. на горахъ станушь воды, дивна дѣла швоа, Господи помилуй; слава тебѣ.

Такимъ образомъ Алексѣй Петровичъ читалъ около часа, прибирая всё, что ему приходило на память; только читалъ безъ всякой запинки, на что онъ имѣлъ великую способность. Крестьяне слыша, что онъ читаетъ безъ запинки; громогласно,

упоминать часто: Господи помилуй, говорили, что Алексѣй Петровичъ чтець изъ чтецовъ. Но, дядюшка Московской сего паланна не имѣлъ; потому что былъ зайка. Если онъ собирался что нибудь говорить то надобно было ждать минути пять чтобы услышать что говорить онъ начнетъ. Вотъ, что удивительно; а пещушка моя Матрена Петровна, супруга достопочтеннаго моего дядюшки Владимира Петровича, также зайка. Обѣихъ ли вдругъ Богъ снёсъ зайками, или, зайкасья выучался копорой пѣбудь одинъ у другого, я сказать не могу; потому что совѣстно спросить было ихъ. За то Московской дядюшка имѣлъ паланна — Производишь на свѣтъ дѣтей! Вотъ, еще что удивительно. Ни одного не было чада женскаго пола! Припомъ Московской дядюшка былъ и храбрѣ деревенскаго пономаря, потому что не выпускалъ изъ рукъ либо кирпичъ,

либо палки. Сѣи орудія были у него самыя любимыя: ибо онъ, во гнѣвѣ своемъ, билъ ими либо окошки, либо посуду, либо ужъ мою пѣтушку. Однако пѣтушка моя, хотя и сама героиня, умѣющая навасптривать кулаки, ясно видѣла, что съ героемъ, каковъ мой дядюшка, не сладишь, когда облечется онъ во всеоружіе бранное и воскипнѣтъ яростію зельною. Пѣтушка моя прибѣгала къ воинскимъ страпачамъ, именно: видя, что Владиміръ Петровичъ хвапаетъ сковородникъ или полено, пѣтушка моя бросается подъ кровать, вынимаетъ изъ угла полштофа вина, слаканъ и кусокъ хлѣба съ солью; и, невылѣзая изъ подъ кровати, протягиваетъ объ руки и подаетъ раздраженному супругу сѣи благодатныя вещи, т. е. сплу вопіющаго и глаголющаго. При зрѣніи любимаго наципка, дядюшка

опускалъ бранное орудіе изъ рукъ своихъ, принималъ изъ рукъ супруги рюмку и полшпофа; чело его просивалось; и онъ вмѣсто рюмки, бралъ съ полки стакавъ и подчивалъ самъ себя. Ну, далъ бы я тебѣ! говорилъ, выпивши дядюшка; но такъ и быть? Тогда шепушка спокойно вылезала изъ подъ кровати, и воцарялось согласіе и миръ.

При томъ дядюшка мой былъ и нечестнолюбивъ! Въ чинѣ Коллежскаго Регистратора служилъ онъ лѣтъ съ двадцать, да съ нимъ и въ гробъ лёгъ. А, это, вотъ, почему; онъ просилъ Начальство, чтобъ его къ дальнѣйшему производству непредставляли. Дядюшка мой отрывался плащитъ за производство въ казну деньги; да и Регистраторской чинѣ едва либо онъ принялъ, ежели бы шепушка его не принудила. Хоть

умренъ Офицершею, говорила она; а, потому и купила ему шпагу, копоранъ въ то время, какъ я прибылъ къ нимъ, висѣла на стѣнѣ, яко знакъ, что здѣсь живѣтъ Офицеръ. Но, такъ какъ опъ долговременности войны стнли и шпага заржавѣла до того, что нельзя было угадать: какая была она, деревянная ли, или изъ металла составленная; но это и было знакомъ, что здѣсь живѣтъ не новаго разряда Офицеръ — но обитаемъ Офицеръ Временъ Очаковскихъ.

Да! моя постелька подлѣ постельки молодой молодежи; знашно!

Теплушка моя опвѣчала мнѣ для почиванія въ уголкѣ мѣспечко подлѣ смпренныхъ дощечекъ, служившихъ постелею одной молодежи, которой мужъ никогда не начевалъ дома, по занятіямъ своимъ на фабрикѣ. На первую ночь, я не замѣтилъ своего

положенія, не замѣнилъ, что близъ
 меня не сосѣдъ, а сосѣдка; да какъ
 и замѣшилъ! опять безпокойсь въ но-
 чеванія подъ монастырскою стѣною,
 спалъ я мертвымъ сномъ. Развѣ бы
 кто спалъ меня рѣзать; но я бы
 только тогда проснулся; а, опять ще-
 компанья проснулся едва либы могъ;
 развѣ, ужъ изволила бы прибыть Кіев-
 ская вѣдьма да русалка; а, попому я
 проснулся не прежде той поры, когда
 обитающія чиновницы начали надѣ-
 вать свои камлотно-нанко - шерстяно-
 льняные шушунчики и украшать свои
 головы черными чепчиками съ какими
 по брыжейками; когда начали онѣ за-
 вертывать въ засморжанные плашки
 проспительныя дѣсьма, въ которыхъ
 призывалось всё человѣчество для
 проклятія покойниковъ мужей ихъ, и
 для вспомошествованія имъ бѣднымъ,
 оставшимся послѣ мужей съ ничѣмъ.

Я продираю себя глаза, а дядюшка мой наливает — спаканчикъ, разумеется, чпо не шампанскаго, ни квасу, ни воды. Я потчасъ опрекомендовался дядюшкѣ и дядюшка возвысилъ голосъ: Приспроимъ! у меня знать большая! ш. е. своя приказная бранія, Коллежскіе Регистраторы, Канцеляристы и Конейсты. Я благословалъ свою учаспъ, увидя себя, на первой разъ, подъ крылышкомъ дядюшки. Я слыхалъ и прежде, чпо дядюшки и пѣпушки много значапъ въ свѣтѣ; но я ошибся, какъ вижу нынѣ, чпо дядюшки разнаго сорта и цокроя. Мой дядюшка переписывалъ весь свой вѣкъ съ чернаго на бѣло. Хотя бѣлое я лучше чернаго; но здѣсь выходилъ напрошивъ дядюшка мой, за написаніе кругомъ бѣлаго листа; брамъ по гривенки; а кто писалъ черное; цпошь брамъ за каждую спроч-

ку по крайній мѣрѣ всё его мѣсячное жалованье, т. е. десять рублей.

Дядюшка отправился въ свое мѣсто; а я пошелъ искать мѣстечка; но, ходивши цѣлой день, нашелъ много мѣстечекъ, гдѣ посидѣвъ, да позѣвать; но, ни одного, оуъ куда бы взять содержаніе и къ дядюшкѣ воротился около вѣчеренъ. Я увидѣлъ, что тетюшка моя уже на веселѣ; увидѣлъ, что чиновницы уже всѣ вкуцѣ, одного только небыло дядюшки; поелику въ этотъ день онъ былъ дежурный. Тетюшка моя запѣтывала пѣсенку: охъ ты мапушка родима, на горе ты породила; и, съ ея аллилуйнымъ голосомъ славилась и диньканники чиновницъ. Это было превеликое торжество; ибо все получали, что желали; одна изъ Комитета, другая оуъ благодарителей, и тому подобное. Лица чиновницъ уже были не такъ пасмур-

ны какъ поутиру; ибо передъ ними стоялъ самоваръ. Правда чай пилъ только я одинъ, а чиновницы съ грусти поставили передъ собой штофа два горькаго напика, какъ я тогда его называлъ, да и чередовались уже не рюмками, а стаканчиками. Можетъ быть, кто нибудь подумаетъ, что уменьшительное слово: стаканчикъ, тоже что рюмка; нѣтъ! въ стаканчикъ входила шестая часть штофа. Попивая чаёкъ, я всматривался въ себя: сѣднщъ, довольно еще нестарыхъ, и даже пригожихъ. Скинувши свои черныя чепчики и фризосуконно зашитыя шушунчики онѣ надѣли опрятныя платьища. Видя что я деревенской степенячокъ и слишкомъ застенчивъ, подвигались ко мнѣ ближе и ближе; но, я, яко целомудренный Иосифъ, хотѣлъ уйти; но, онѣ брали меня за возскрилія моего халата. Я послѣ